

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 930

Аверс и реверс имагологии: новая монография петербургских востоковедов об образе Петра Великого в Восточной Азии и vice versa*В. Ц. Головачёв*Институт востоковедения РАН,
Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Для цитирования: Головачёв В. Ц. Аверс и реверс имагологии: новая монография петербургских востоковедов об образе Петра Великого в Восточной Азии и vice versa // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 222–233. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.201>

Публикация ставит целью обзор и концептуальную оценку коллективной монографии «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии», изданной в год 350-летия первого российского императора и представляющей собой новую веху в отечественной науке. Выход в свет монографии, подготовленной группой известных петербургских востоковедов, свидетельствует о существенном развитии компаративной имагологии в российском востоковедении, что обусловлено быстрым сближением россиян и народов Азии, ростом числа ученых, а также актуальности, количества и качества их исследований в данной области. Новая монография может быть поставлена в один ряд со знаковой для отечественной историографии книгой «Лев Толстой и Восток» (1971), а тема «Петр I и Восток» сравнима по масштабу с восточным универсумом великого русского писателя и служит уникальным преломлением толстовской парадигмы «войны и мира», крайне сложным, значимым и интересным для научного изучения. Обзор монографии показывает, что в своем исследовании образа Петра Великого в странах Восточной Азии авторы позитивно и творчески вышли за рамки титульной темы. Но, с учетом принципиальной неисчерпаемости темы «Образ Петра Великого в странах Востока», представляется необходимым второе дополненное издание, расширенное за счет новых стран и народов Азии и Африки, подобно монографии «Лев Толстой и Восток». Продолжением имагологических исследований в обозримой перспективе (до 2037 г.) может стать фундаментальное международное исследование «Пушкин и Восток: образ А. С. Пушкина в странах Востока и Восток в творчестве великого русского поэта», задел для которого уже давно существует в отечественном востоковедении.

Ключевые слова: востоковедение, Восточная Азия, имагология, образ, Петр Великий, Толстой, Пушкин.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Введение

Имагология как особая область российского востоковедения зародилась в 1990-х гг. [1; 2] и быстро развивалась в первые два десятилетия XXI в. [3–7]. К рубежу 2020-х гг. она превратилась в уже достаточно сильное, широко признанное в России и за рубежом [8] научное направление, охватывающее историю, литературу, философию, искусствоведение (живопись и даже музыку! [9]) и прочие дисциплины. Очевидный подъем этого направления обусловлен быстрым сближением россиян с народами Востока, умножением рядов исследователей (россиян и ряда защитившихся в РФ аспирантов-китайцев) [9–15], ростом количества и качества их исследований, а также — или даже прежде всего — актуализацией имагологической компаративистики в востоковедении.

Имагология

Актуализация имагологии в востоковедении объяснима влиянием как позитивных, так и негативных факторов. К числу первых относится быстрое уменьшение разрыва в восприятии «своего» и «чужого» у разных стран и народов под воздействием глобализации общественной жизни и революции в области информационно-коммуникативных технологий. К негативным факторам относятся растущая индифферентность к традиционной культуре и истории со стороны крупных социальных групп (молодежи, мигрантов и др.), а также обретающая пугающие масштабы *деперсонализация*, или обезличение, социальных коммуникаций, вызванная их уходом в виртуальную реальность, формализацией (логины, аватары, СМС, эмодзи и т. д.), роботизацией и грядущей заменой межличностного общения, уже сегодня опосредуемого чат-ботами и «алисами», на совсем уж альтернативное и, быть может, апокалиптическое общение человека с искусственным интеллектом.

В этих условиях особые, поистине актуальные, по-новому значимые смыслы и перспективы обретает проблема *ре-персонификации* межкультурного общения и взаимовосприятия, транслируемой через конкретные или собирательные, натуральные или даже виртуальные образы (имиджи) отдельных персон, символизирующих историю, культуру и психоментальные комплексы своих стран и народов в ипостаси как реальных «великих людей» (Петр Великий, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, император Канси, Хо Ши Мин), так и типологизированных героев «на дне» или микроуровне социумов (А-Кью у Лу Синя, «тайбэйцы» у Бай Сянь-юна, про-столюдины у Акутагавы Рюноске, «маленькие люди» у русских писателей и т. д.).

Обзор монографии

Если обратиться к образу реального исторического лица — Петра Великого, то его личность, жизнь и деяния вызывают колоссальный интерес во всем мире и уже четвертое столетие служат популярной темой для публичных дискуссий, творений искусства и научных исследований. Не составляют исключения и народы Восточной Азии, среди которых первый император и самодержец Всероссийский известен как «Великий император Петр» — кит. *Бидэ дади*, 彼得大帝, яп. *Пэ:тору тайтэй*, ビョートル大帝, кор. *Пхитхо тэчже*, 피터대제, вьетн. *Пиат дайдэй* Pyotr Đai đé

и т.д. Поэтому представляется особенно важным тот факт, что празднование в 2022 г. 350-летия Петра Алексеевича Романова ознаменовалось выпуском монографии «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии» [16], представляющей собой новую веху в развитии отечественной научной историографии и востоковедной имагологии. Эту фундаментальную монографию подготовил коллектив авторов, скромно именующих себя «научно-педагогическими работниками», но представляющих цвет петербургского востоковедения и сразу несколько поколений высоких профессионалов с Восточного факультета СПбГУ и из Института восточных рукописей РАН (Е. Г. Андреева, А. А. Гурьева, Е. В. Ланькова, Д. И. Маяцкий, Н. А. Самойлов, А. М. Харитоновна). Руководителем, ответственным редактором и, очевидно, душой всего проекта стал доктор исторических наук, профессор Н. А. Самойлов, он же — автор предисловия, двух первых глав и отдельных разделов в 3-й и 4-й главах.

Монография, рассчитанная на широкий круг читателей, включает семь глав, списки литературы, черно-белые и цветные иллюстрации, предисловие, аннотацию и сведения об авторах на русском и английском языках. Выход этого давно необходимого юбилейного издания напоминает специалистам о другой, столь же солидной и знаковой для отечественной историографии книге «Лев Толстой и Восток», в свое время дважды изданной в СССР [17; 18]. Тема «Петр I и Восток», безусловно, вполне сравнима по масштабу с восточным универсумом великого русского писателя и служит уникальным преломлением толстовской парадигмы «войны и мира», крайне сложным, значимым и интересным для научного изучения.

Как сообщают сами авторы, монография посвящена изучению образа русского императора Петра Великого, сложившегося в ряде стран региона Восточной Азии, или Дальневосточного историко-культурного ареала, куда традиционно включают Китай, Корею, Японию и Вьетнам. К особенностям этого региона относят религиозный синкретизм, иероглифику, заимствование китайских литературных форм, транспонирование произведений народного творчества, хозяйственное и культурное своеобразие и т.д. [16, с. 346].

Целью исследования заявлено всестороннее изучение особенностей репрезентации образа Петра I в Японии, Корее, Китае и во Вьетнаме, а также сопоставление особенностей восприятия Петра Великого в России, странах Восточной Азии и ряде западных стран. В книге рассмотрены внешнеполитическая деятельность Петра I на восточноазиатском направлении и его вклад в социокультурное взаимодействие России со странами региона, показана эволюция образа Петра от первых упоминаний его имени в источниках до сегодняшнего дня, анализируется характер интерпретаций его образа и оценок его деятельности в исторической науке, учебной, публицистической, художественной и сетевой литературе, определено место Петра I в общих представлениях о России, выявлена актуализация этого образа в отдельные периоды истории стран Восточной Азии и его трансформация. Как отмечают авторы, предпринятая ими реконструкция образа Петра Великого в странах Восточной Азии позволяет глубже изучить историческую динамику становления представлений о других народах, включая стереотипы восприятия в массовом (народном и элитарном. — В. Г.) сознании [16, с. 8].

Выбор темы монографии абсолютно оправдан, так как личность Петра Великого (как и Льва Толстого) служит идеальным объектом для популярных в наши

дни исследований в области исторической имагологии. Более трех веков имя этого императора служит в представлениях народов всего мира одним из самых известных и узнаваемых национальных символов России. В странах Восточной Азии имя Петра ассоциируется с великими историческими преобразованиями в области политики, военного дела и культуры. Особенно популярна личность Петра Великого в соседнем Китае, к которому сам российский император проявлял активный и искренний интерес. Как известно, Петр I лично инициировал институт Российских духовных миссий в Пекине, многие сотрудники которых стали позднее выдающимися востоковедами и внесли огромный вклад в науку и деятельность Российской академии наук, кстати, тоже учрежденной указом Петра в 1724 г. Поэтому совсем не случайно то, что образу и деятельности Петра Великого в контексте исторического взаимодействия и кросс-культурного диалога с Китаем посвящены четыре из семи глав, или больше половины текста монографии (около 200 стр.).

Не менее обстоятельно, всесторонне и на высоком научном уровне представлено изучение образа Петра в контексте связей с Японией и Кореей (главы 5, 6) [16, с. 212–345]. Специфика этого контекста во многом связана с тем, что именно при Петре I состоялось первое знакомство россиян с корейцами и японцами, была основана первая в России школа японского языка. Петр лично интересовался освоением Тихоокеанского побережья империи, инициировал ряд экспедиций, расширил связи с со странами Востока и в итоге «в Пасифику прорубил окно», то есть заложил основы превращения России в евразийскую и тихоокеанскую державу [16, с. 42]. Петровские преобразования стали своеобразным эталоном для подражания в годы «консервативной революции Мэйдзи» в Японии (с 1868), «движения за реформы» в Китае (1898) и в Корее начала XX в. В современных Китае, Японии, Корее и Вьетнаме Петр I стал одним из самых популярных и узнаваемых зарубежных исторических персонажей. Ему посвящены разделы в школьных учебниках, его образ присутствует в художественной литературе, кино и даже комиксах. Личность, черты характера и значение реформ Петра I обсуждают в интернете [16, с. 9–10].

Крайне любопытны материалы китайского интернета, посвященные сравнению образов императоров Китая и России. Например, в материалах на сайте центрального телевидения КНР (CCTV) говорится, что на рубеже XVII и XVIII вв. в России и Китае сложилась схожая ситуация, когда на арену истории вышли два великих правителя — Канси (1654–1722, правил с 1661) и Петр Великий. Император Китая разработал хитроумный план спасения страны, а русский царь решительно проводил реформы и стремился к прогрессу. Оба взошли на трон подростками, тянулись к знаниям, и даже их непростое детство полно роковых совпадений. Они правили в одно время, имели особые таланты и упорно трудились, чтобы привести свои страны к расцвету. Что касается различий, то Канси назван повязанным конфуцианской традицией консерватором, а Петр — почти революционером, желавшим резко порвать со своими традициями. Канси был более спокоен и осторожен, а Петр — необычайно решителен. Петр заставил Россию быстро выйти на путь модернизации, доминируя в Европе и Азии, а Канси не смог изменить феодальную сущность китайского социума. Согласно CCTV, Канси утвердил конфуцианскую мораль, был доброжелателен и заботился о людях, а Петр правил страной сурово, был жесток и прагматичен. Тяга Канси к западной науке ограничивалась его

личными увлечениями, и он не вполне понимал роль науки и техники для подъема экономики и улучшения жизни народа, а увлечение Петра западными наукой и техникой проистекало из страстного желания обновить страну. Правитель-маньчжур создал стратегию государственного правления, стабилизировал ситуацию и расширил земли империи Цин, а русский царь был полон решимости реформировать страну. В итоге Россия «взлетела ввысь», а Китай остался на месте. По мнению китайских сетевых авторов, подобное сравнение монархов не праздно, так как способно помочь современному Китаю в выборе путей дальнейшего развития [16, с. 179–180, 183–185, 198–199].

Замечательно воссоздан в 5-й главе монографии образ Петра в Японии [16, с. 212–269]. В. В. Щепкин наглядно и убедительно показал, что фаза живых контактов русских и японцев возникла именно при Петре, и это прямо повлияло на оформление образа Японии в России. Можно согласиться и с общим выводом Н. А. Самойлова о том, что при Петре были заложены основы социокультурного взаимодействия России и Японии, в том числе фундамент отечественного японоведения. Первые японцы, появившиеся в русских землях при Петре I, дали россиянам сведения о своей стране из первых рук и положили начало преподаванию японского языка в России [16, с. 75–76].

По наблюдению В. В. Щепкина, к началу русско-японской войны история становления образа Петра Великого в Японии сделала полный круг и замкнулась. В конце XVIII в. появление первых сведений о Петре и генезис его образа были тесно связаны с потребностью японцев объяснить внезапное появление у своих северных границ почти неизвестной, но могучей державы. В 1-й половине XIX в. акцент в восприятии Петра сменился: правитель России и его реформы представлялись уже как возможная модель для Японии. В начале эпохи Мэйдзи (1868–1912), когда правящие круги решили применить эту модель на практике, все больший интерес стали привлекать личность и характер Петра, позволившие ему претворить в жизнь великие замыслы. К концу эпохи Мэйдзи, когда Японии удалось в те же сроки, что и Петру, модернизировать государство, армию и экономику, ей пришлось встретиться лицом к лицу с результатами политики Петра и его потомков. В то же время, отмечает автор, следует говорить не о некоем едином для эпохи Мэйдзи образе Петра I, но об общих тенденциях в анализе его фигуры. С одной стороны, японские авторы видят все больше негатива в личности и правлении Петра. С другой, пройдя процесс «очеловечивания», в том числе в посвященных ему книгах, Петр обрел свое место в японской историографии русской и мировой истории, и это его положение оставалось потом неизменным. В итоге даже самые драматичные и переломные события японской истории (милитаризация всей страны в 1930-х гг. и поражение во Второй мировой войне) не оказали заметного влияния на образ российского правителя в Японии. В современной Японии, как и в эпоху Мэйдзи, с одной стороны, делают акцент на становлении личности Петра, его увлечении западной цивилизацией, поездках в Европу и обучении искусствам и ремеслам, с другой — на военных делах, преобразовании армии и создании флота, на роли абсолютизма в реализации реформ. Такое амбивалентное восприятие Петра и России в целом, как пишет В. В. Щепкин, можно считать уже классическим для Японии [16, с. 255–256, 268].

Как отмечает автор объемной 6-й главы [16, с. 270–345] А. А. Гурьева, доподлинно неизвестно, что знал Петр I о Корее. Он, безусловно, видел Корейский полуостров на новых географических картах, составленных Н. Витсенем, С. Ремезовым и др., и мог получать известия об этой стране из отчетов своих посланников. Сведения о корейской торговле и товарах, привозимых из Кореи в Пекин, имеются в записках Лоренца Ланга. И, хотя А. А. Гурьева не берется утверждать, что из этих сведений было воспринято Петром I, скорее всего, он имел некоторое представление и о Корее.

Знакомство корейцев с фигурой Петра Великого состоялось на рубеже XIX–XX вв. Просветителям в Корее Петр виделся образцовым правителем, модернизовавшим страну благодаря заимствованию передовых достижений западной культуры. В японский колониальный период имя Петра появлялось в периодике в связи с размышлениями о судьбе Кореи и в контексте известий о малознакомом мире Запада. В те годы кристаллизуется первичное восприятие Петра как царя-преобразователя, жесткость реформ которого оправдалась результатом — модернизацией страны, преодолевшей отсталость.

Во 2-й половине XX в. в Республике Корея появился новый источник, раскрывавший новые грани личности русского царя, — это переводы романа А. С. Пушкина «Арап Петра Великого». После установления дипломатических связей в 1990 г. южные корейцы смогли посещать Россию. В постсоветское время сведения о Петре передаются через новые переводы русской литературы (поэма «Медный всадник» и др.) и множество научных работ, скрупулезно исследующих личность Петра, его деяния и его эпоху. Открывшийся доступ к архивам и литературе расширил тематику исследований и позволил изучать петровскую эпоху более глубоко и полно. До широкой публики новые сведения доходят через периодику, школьную и детскую литературу, СМИ и интернет. Расширение знаний рождает параллели с событиями и личностями в истории Кореи, а также дает основу для сравнений с современной Россией. Как отмечает А. А. Гурьева, восприятие личности Петра I и его деяний, как и сам формат подачи информации, во многом обусловлено культурно-исторической спецификой и потому требует предметного анализа применительно к любому этапу как в прошлом или настоящем, так и в будущем [16, с. 344–345].

В самой короткой 7-й главе «Образ Петра Великого во Вьетнаме» [16, с. 346–367] А. В. Харитонова упоминает, что Вьетнам — часть историко-культурного региона Восточной Азии. Имя Петра впервые упомянуто в трудах вьетнамских просветителей на рубеже XX и XXI вв. Особые разделы знакомят с образом Петра I в литературе, комиксах и интернете. В конце главы перечислены особенности современного образа Петра [16, с. 346–348, 350–352].

Сведения о Петре I и его реформах могли проникать во Вьетнам через сочинения на французском, китайском и японском и языках, а также благодаря переводам классики русской литературы. Первые сочинения А. С. Пушкина были переведены с французского на вьетнамский язык в 1950-х гг. Так вышли роман «Арап Петра Великого» и роман А. Н. Толстого «Петр Первый», явившие читателям литературный образ Петра. Жизнь Петра I слабо отражена в учебниках, но его имя встречается в справочниках по мировой истории. Издаются переводы книг о Петре I. Его личность курьезно изображена в ряде комиксов, например в серии «Знаменитые личности, изменившие мир», куда вошел комикс «Петр Великий. Воля правите-

ля», шесть глав которого поэтапно повествуют о жизни царя. Наибольший интерес у авторов комиксов и молодой аудитории вызывают приход Петра I к власти, его учеба в Европе и война со Швецией. Особое внимание уделено политике на Дальнем Востоке: расширению границ России до Камчатки и развитию торговли с Китаем. В комиксах Петр I показан истинным патриотом, борющимся за сильное государство [16, с. 353, 358–359, 361].

Вьетнамские сетевые источники включают сведения о Петре I на новостных, образовательных и туристических сайтах. Следуя историко-культурным влияниям, вьетнамцы сравнивают русского царя с Людовиком XIV (1643–1715) и императором Канси (1654–1722), как величайшими правителями в истории, а также с Акбаром I Великим (1542–1605) — падишахом империи Великих Моголов. Упомянутый в главе видеоролик «Правда о Петре Великом — выдающейся фигуре истории России» (опубликован 2 марта 2022 г.) подтверждает, что образ Петра I актуален и популярен во Вьетнаме по сей день. Пользователи соотносят успехи русского императора с современностью, сравнивая его с главами государств новейшего времени, например с первым президентом независимого Вьетнама Хо Ши Мином (1890–1969). В комментариях к видеоролику идут споры о том, является ли достойным преемником Петра Великого президент В. В. Путин. Все эти данные приводят А. В. Харитонову к выводу, что интернет формирует в сознании вьетнамцев позитивный образ Петра I и вызывает интерес к русской истории и культуре, благодаря чему Россия воспринимается во Вьетнаме как сильный и перспективный партнер [16, с. 362–367].

В целом, как верно заключают авторы книги, вклад Петра Великого в процессы социокультурного взаимодействия России с Китаем, Японией и другими странами Востока поистине неоценим. Своими деяниями Петр I заложил основы единого евразийского политического и социокультурного пространства и сформировал парадигму евразийской политики Российской империи [16, с. 35–36, 76–77].

Переходя к общей контентной оценке, следует отметить, что содержание рецензируемой монографии несколько вышло за рамки ее названия, вероятно, сформулированного авторами в начале исследования. Наряду с образом Петра Великого, вписанным в широкий исторический, политический и культурный контекст, авторы показали как образ России в Восточной Азии, так и обратную (реверсивную) сторону двусторонних обменов, а именно — образ Китая, Японии и Кореи, складывавшийся в России в эпоху Петра, на стадиях социокультурной «идентификации» и «активации» [16, с. 43–44].

Выход монографии стал плодотворным итогом крупного научного проекта, раскрывшего новый потенциал имагологии в востоковедении. В работе успешно и, возможно, впервые выявлен уникальный канал августейшего кросс-культурного взаимодействия через прямую и опосредованную, синхронную и диахронную, открытую и имплицитную, официальную и неформальную, но в любом случае предельно символичную, действенную и значимую личную коммуникацию правителей евразийских стран (Петр I, Канси, Мэйдзи и т. д.).

Несколько выпадают из общего русла исследования параграфы 4.3 «Петр Великий в западной англоязычной учебной литературе» [16, с. 192–197] и 4.5 «Образ Петра Великого в англоязычной научно-популярной литературе» [16, с. 202–211], содержащие прекрасный разбор работ о Петре I у ряда авторов из США и Англии,

не имеющих, однако, никакого отношения к Восточной Азии. Непонятны также «попытки смоделировать образ того Петра Великого, который возникает в воображении обычного школьника в США или Великобритании» [16, с. 192] и, в частности, обращение к британским учебникам по всемирной истории, в которых, по признанию самих авторов, «Петр Великий и его эпоха почти не представлены», в результате чего «британские школьники не могут почерпнуть из учебников каких-либо сведений о Петре I» [16, с. 210]. Выполненный сравнительный анализ привел авторов к трем выводам.

1. В китайских школьных учебниках дается больше сведений о Петре Великом и его реформах, чем в учебниках США и Англии, что способствует генерации достаточно позитивного образа Петра у китайских школьников [16, с. 210].

2. Китайские школьники и молодежь знают о Петре I гораздо больше американских и британских сверстников и могут найти куда больше сведений о российском императоре, как и о российской истории в целом [16, с. 211].

3. Китайских и англоязычных авторов объединяет признание в Петре I выдающегося императора и реформатора. Они высоко оценивают достижения Петра. Но китайские авторы склонны выделять позитивные результаты его реформ. Западные же, хоть и признают, что царю удалось вывести Россию из отсталого положения и сделать ее европейской державой, изображают его личность в мрачных и непривлекательных тонах [16, с. 211].

На наш взгляд, в монографии хватило бы и краткой фиксации итогов сравнений, без двух особых разделов по англо-американской историографии. При этом было бы более уместно, логично и актуально сравнительное изучение образа Петра в «англоязычной научно-популярной литературе» и учебниках восточноазиатских Гонконга, Сингапура, Тайваня, Японии, Кореи, Филиппин и Малайзии. Вероятно, такое дополнение может быть реализовано в будущих исследованиях.

Заключение

Завершая обзор содержания, нужно отметить историографически ценные списки литературы и постраничные ссылки на публикации, зачастую с важными сведениями об авторах и обстоятельствах издания. Литература приведена постранично и в списках по главам, что очень удобно и для читателей, и для исследователей. В случае переиздания книги было бы также целесообразно дополнить эти списки указателем имен.

Как многолетний и многоэтапный проект, научный труд петербургских коллег содержит ряд ранних публикаций по теме исследования. Эти публикации органично включены в текст монографии, но в двух-трех местах заметны по упущенным редактором речевым формам, вроде «в данной статье внимание будет сосредоточено» [16, с. 242] или «рецензируемая монография не исчерпывает» [16, с. 160]. Впрочем, это мелкое техническое замечание как раз и исчерпывает собой все вопросы по оформлению монографии. Прекрасная редактура, корректура, верстка и дизайн — все это объективные признаки высокого академизма авторов и редакторов, а также высокой издательской культуры, традиционно присущей издательству «Весь мир».

Как уже отмечалось, в своем исследовании «Образы Петра Великого в странах Восточной Азии» авторы позитивно и творчески вышли за рамки титульной темы.

Вместе с тем стоит вновь указать на принципиальную безграничность общей темы «Петр Великий и Восток». Поэтому, наряду с поздравлениями авторам, ученые и читатели будут ждать от них второе дополненное издание новой монографии, возможно, расширенной за счет новых стран и народов Азии и Африки, подобно книге «Лев Толстой и Восток».

Что касается новых научных тем и задач, то, с учетом не столь отдаленного 200-летия со дня смерти А. С. Пушкина (в 2037 г.), российским востоковедам стоит проявить инициативу и мобилизовать специалистов по компаративной имагологии на издание фундаментального международного исследования «Пушкин и Восток: образ А. С. Пушкина в странах Востока и Восток в творчестве великого русского поэта», частичный задел для которого уже давно существует в отечественном востоковедении [10; 19–24].

Литература

1. Чудодеев Ю. В., Каткова З. Д. Китай — Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. — 20-е годы XX в.). М.: ИВ РАН, Крафт+, 1995. 230 с.
2. Молодяков В. Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX века. М.: ИВ РАН, 1996. 182 с.
3. Галенович Ю. М. Взгляд на Россию из Китая. М.: Время, 2010. 302 с.
4. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. 608 с.
5. Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. 246 с.
6. Самойлов Н. А., Ли Суйань. Образ Советского Союза в китайских учебниках 1950-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2012. Вып. 4. С. 14–22.
7. Япония и Россия: национальная идентичность сквозь призму образов: сб. статей / под ред. Ю. Д. Михайловой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. 256 с.
8. Chinese Perceptions of Russia and the West: Changes, Continuities, and Contingencies during the Twentieth Century, ed. by Gotelind Müller and Nikolay Samoylov. Heidelberg: CrossAsia-eBooks, 2020. 543 p. (Online-PDF). <https://doi.org/10.11588/xabooks.661>
9. Чжан Юань. Образы Китая в творчестве русских и белорусских композиторов XIX — начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Минск: Белорусская гос. акад. музыки, 2016. 24 с.
10. Мохаммади З. А. С. Пушкин и Восток: заметки к теме // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. № 3. С. 126–131.
11. Ши Сяолун. Образ Китая и китайцев в произведениях русских путешественников XIX — начала XX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 4 (46). С. 280–287.
12. Цуй Лу. Рецепция китайской культуры и ее отражение в поэзии русской дальневосточной эмиграции 1920–1950-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. 333 с.
13. Чжан Исянь. Образ Китая в русской литературе конца XX — начала XXI в.: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. 336 с.
14. Ленина Д. А. Образ Китая в творчестве Перл Бак: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: Нац. исслед. Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2020. 233 с.
15. Татаринова А. В. Образ России в Японии, Китае и Юго-Восточной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва: ИВ РАН, 2022. 33 с.
16. Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / под ред. Н. А. Самойлова. М.: Весь мир, 2022. 432 с., ил.
17. Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М.: ИВЛ, 1960. 480 с.

18. Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука. 1971. 552 с., ил.
19. Алексеев М. П. Пушкин и Китай // Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987. С. 314–350.
20. Головачев В. Ц. Женильба царя, подмена наследника и «смерть» царевны: восточные мотивы, предания и обычаи в сказках А. С. Пушкина // Материалы IV Международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока». 29 июня — 2 июля 2010 г. Т. 3. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 17–27.
21. Лобикова Н. М. Пушкин и Восток. Очерки / Институт востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1974. 96 с.
22. Пушкин в странах зарубежного Востока: сборник статей. М.: Наука, 1979. 230 с.
23. Тартаковская Л. Пушкин и зарубежный Восток // Вопросы литературы. 1981. № 8. С. 267–274.
24. Тен Н. От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991–2010). М.: Новое литературное обозрение, 2016. 296 с.

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2023 г.,
рекомендована к печати 31 марта 2023 г.

Контактная информация:

Головачёв Валентин Цуньлиевич — канд. ист. наук; v.golovachev@ivran.ru

Obverse and Reverse of the Imagology: A New Monograph by St. Petersburg Orientalists on Peter the Great's Image in East Asia, and Vice Versa

V. Ts. Golovachev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
12, ul. Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russian Federation

For citation: Golovachev V. Ts. Obverse and Reverse of the Imagology: a New Monograph by St. Petersburg Orientalists on Peter the Great's Image in East Asia, and Vice Versa. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2023, vol. 15, issue 2, pp. 222–233.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.201> (In Russian)

This publication aims to review and conceptually evaluate the collective monograph “The Image of Peter the Great in East Asia countries”, published in the year of the 350th anniversary of the first Russian Emperor and representing a new milestone in Russian science. The monograph prepared by a group of well-known St. Petersburg orientalists testifies to the significant development of comparative Imagology in Russian Oriental studies, caused by the rapid rapprochement of Russians and Asian peoples, the growing number of scholars, as well as the relevance, quantity and quality of their research in this field. The new book can be put on a par with the “Leo Tolstoy and the Orient” (1971) — a landmark book for Russian historiography, while the topic “Peter the Great and the Orient” is comparable in scale to the Oriental Space of the great Russian writer and serves as a unique refraction of Tolstoy’s “War and Peace” paradigm, which is extremely complicated, meaningful and interesting for academic study. As the review of the monograph reveals, during the study of Peter the Great’s image in the East Asia countries, the authors surpassed the title theme in quite a positive and creative way. But, considering the fundamental immensity of such theme as “Peter the Great’s Image in the Oriental countries”, it seems necessary to issue the second more expanded edition, enriched by the new countries and peoples of Asia and Africa, just like the “Leo Tolstoy and the Orient” monograph. The imagological research work could be also continued in the foreseeable future (before 2037) by the new fundamental international study, such as “Pushkin and the Orient:

A. S. Pushkin's Image in the Oriental countries and the Orient in the masterpieces of the great Russian poet". The groundwork for such an academic project already exists in Russian Orientalology for a very long time.

Keywords: Oriental studies, East Asia, imagology, image, Peter the Great, Tolstoy, Pushkin.

References

1. Chudodeev Yu. V., Katkova Z. D. *China — Japan: Love or Hate? On problem of the evolution of socio-psychological and political stereotypes of mutual perception (7th century AD — the 1920s)*. Moscow, IV RAN Publ., Kraft+ Publ., 1995. 230 p. (In Russian)
2. Molodyakov V. E. *The image of Japan in Europe and Russia during the second half of the 19th — early 20th century*. Moscow, IV RAN Publ., 1996. 182 p. (In Russian)
3. Galenovich Yu. M. *A look at Russia from China*. Moscow, Vremia Publ., 2010. 302 p. (In Russian)
4. Lukin A. V. *The Bear is watching the Dragon. The image of China in Russia in the 18th–20th centuries*. Moscow, AST: Vostok — Zapad Publ., 2007. 608 p. (In Russian)
5. Tikhvinsky S. L. *Perception of the Russia's image in China*. Moscow, Nauka Publ., 2008. 246 p. (In Russian)
6. Samoilov N. A., Li Suyan. The image of the Soviet Union in Chinese textbooks of the 1950s. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2012, iss. 4, pp. 14–22. (In Russian)
7. *Japan and Russia: National Identity through the Prism of Images*: coll. of articles, ed. by Yu. D. Mikhailova. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2014. 256 p. (In Russian)
8. *Chinese Perceptions of Russia and the West: Changes, Continuities, and Contingencies during the Twentieth Century*, ed. by Gotelind Müller and Nikolay Samoylov. Heidelberg, CrossAsia-eBooks, 2020. 543 p. (Online-PDF). <https://doi.org/10.11588/xabooks.661>
9. Zhang Yuan. *Images of China in the works of Russian and Belarusian composers of the 19th — early 21st centuries*: PhD abstract. Minsk, Belarusian State Academy of Music, 2016. 24 p. (In Russian)
10. Mohammadi Z. A. S. Pushkin and the Orient: notes on the topic. *Bulletin of the Moscow University*. Ser. 9. Philology, 2008, no. 3, pp. 126–131. (In Russian)
11. Shi Xiaolong. The image of China and the Chinese in the works of Russian travelers of the 19th — early 20th century. *Philology and Culture*, 2016, no. 4 (46), pp. 280–287. (In Russian)
12. Cui Lu. *Reception of Chinese culture and its reflection in the poetry of Russian Far Eastern emigration of the 1920s–1950s*: PhD thesis. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2021. 333 p. (In Russian)
13. Zhang Yixian. *The image of China in Russian literature of the late 20th — early 21th centuries*: PhD thesis. St. Petersburg, 2022. 336 p. (In Russian)
14. Lenina D. A. *The image of China in the works of Pearl Buck*: PhD thesis. Nizhny Novgorod, Lobachevsky University Publ., 2020. 233 p. (In Russian)
15. Tatarinova A. V. *The image of Russia in Japan, China and South-East Asia*: PhD abstract. Moscow, IOS RAS Publ., 2022. 33 p. (In Russian)
16. *Peter the Great's image in East Asian countries*. Ed. by N. A. Samoilov. Moscow, Ves' mir Publ., 2022. 432 p., ill. (In Russian)
17. Shifman A. I. *Leo Tolstoy and the Orient*. Moscow, IVL Publ., 1960. 480 p. (In Russian)
18. Shifman A. I. *Leo Tolstoy and the Orient*. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, Nauka Publ., 1971. 552 p., ill. (In Russian)
19. Alekseev M. P. Pushkin and China. *Pushkin and World literature*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 314–350. (In Russian)
20. Golovachev V. Ts. The marriage of the Tsar, the substitution of the Heir-apparent and the “death” of the Princess: Oriental motifs, traditions and customs in the fairy tales of A. S. Pushkin. *Materials of the 4th International Scientific Conference “Problems of literature of the Far East”*. June 29 — July 2, 2010, vol. 3. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2010, pp. 17–27. (In Russian)
21. Lobikova N. M. *Pushkin and Orient. Essays*. Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Moscow, Nauka Publ., 1974. 96 p. (In Russian)
22. *Pushkin in the Foreign countries of the Orient*: coll. of articles. Moscow, Nauka Publ., 1979. 230 p. (In Russian)

23. Tartakovskaya L. Pushkin and the Foreign Orient. *Voprosy literatury*, 1981, no. 8, pp. 267–274. (In Russian)

24. Ten N. *From Pushkin to Putin: Image of Russia in Modern China (1991–2010)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 296 p. (In Russian)

Received: February 1, 2023

Accepted: March 31, 2023

Author's information:

Valentin Ts. Golovachev — PhD in History; v.golovachev@ivran.ru